

Н.В. ГРИШИН*

**КЛАССИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ
ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ И ОБЪЯСНЕНИЕ
ГЕОГРАФИИ ГОЛОСОВАНИЙ**

Аннотация. В статье рассматриваются возможности и ограничения классических теорий электорального поведения для объяснения географии голосований и электоральной статистики. Статья основана на анализе научной литературы по электоральной географии и теориям электорального поведения с начала XX в. Предлагается уточнение существующих в науке подходов к систематизации теорий электорального поведения. Рассмотрены холистический и индивидуалистический подходы к пониманию природы электорального поведения. Выявлены ограничения большинства классических теорий электорального поведения, основанных на методологическом индивидуализме и использующих социологические опросы в качестве основного источника эмпирической информации, для объяснения географии голосований и феноменов электорального поведения, проявляющихся на агрегированном уровне. Определены феномены географии голосований, выявляемые на уровне электоральной статистики, которые не могут быть объяснены с позиций методологического индивидуализма. Одним из этих феноменов является эффект композиций: наличие у территориальной общности избирателей устойчивой комбинации нескольких показателей электорального поведения, которая с высокой точностью воспроизводится в других территориальных общностях со схожими социальными условиями. В качестве другого феномена рассмотрен хорошо известный в науке эффект влияния размера электората на особенности поведения избирателей. Ключевой проблемой в области изучения поведения избирателей может быть признано отсутствие теоретического решения проблемы перехода между двумя уровнями проявления феноменов электорального поведения – индивидуальным и групповым.

Ключевые слова: электоральное поведение; поведение избирателей; электоральная география; география голосований; теории электорального поведения.

* **Гришин Николай Владимирович**, доктор политических наук, профессор факультета политологии Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) (Москва, Россия), e-mail: nvgrishin@mail.ru

© Гришин Н.В., 2026

DOI: 10.31249/poln/2026.01.04

Для цитирования: Гришин Н.В. Классические теории электорального поведения и объяснение географии голосований // Политическая наука. – 2026. – № 1. – С. 65–84. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.01.04>

Введение

Между современными исследователями географии голосований и учеными, работающими над теориями электорального поведения, сложилось парадоксальное разделение. В начале XX в., когда в науке появились исследования электоральной географии и теоретических вопросов поведения избирателей, они составляли единое направление исследований. Однако в 1940–1960-е годы были созданы классические теории электорального поведения, которые опирались не столько на материалы электоральной статистики, сколько на иные эмпирические источники – результаты социологических опросов. Получив значительное развитие, данные теории при этом не смогли завоевать популярности в области исследования территориальной дифференциации результатов голосования. Теория географии голосований и электорального поведения развивались отдельно друг от друга и пересекались только частично.

В данной статье предлагается интерпретация причин и перспектив произошедшего разделения между классическими теориями электорального поведения и исследованиями географии голосований. Рассмотрены возможности применения классических теорий электорального поведения для объяснения географии голосований.

Статья основана на анализе научной литературы по электоральной географии и теориям поведения избирателей с начала XX в. Предлагаются некоторые уточнения в отношении существующих в науке подходов к систематизации теорий электорального поведения. Систематизацию теорий электорального поведения предлагается рассмотреть на основе дуального разделения исследований на холистический и индивидуалистический подходы.

Разнообразие теорий электорального поведения

Возможны два противоположных подхода к пониманию закономерностей электорального поведения. *Холистический подход* предполагает, что определяющие причины электорального выбора

закljučаются в социальных фактах, предшествующих индивидуальному сознанию, и в объективных социальных условиях, которые действуют на макроуровне и приводят к формированию электоральных установок на уровне групп. Вместе с тем присутствует *индивидуалистический подход*, рассматривающий электоральный выбор как результат индивидуальных действий на микроуровне, которые сводятся к интенциям, склонностям и убеждениям отдельных избирателей.

Спор между холизмом и индивидуализмом считается одним из наиболее продолжительных и острых в общественных науках [Udehn, 2002]. Разнообразие подходов к изучению электорального поведения охватывает весь спектр возможных способов разрешения этого методологического противостояния.

В начале XX в. первые немногочисленные исследования поведения избирателей [Siegfried, 1913; Krehbiel, 1916; Tingsten, 1937] принадлежали к холистическому подходу, причем, если использовать терминологию Р. Бхаскара, в его *сильной* форме [Bhaskar, 1982]: дифференциация голосования объяснялась только на уровне территориальных и социальных общностей, возможность объяснений на индивидуальном уровне не рассматривалась. Внимание уделялось исключительно социально-структурным и физико-географическим факторам, влияющим на различия результатов голосования между территориальными сообществами. На этом этапе электоральные исследования имели единственный эмпирический источник – официальные результаты выборов. Как и любая другая форма объяснительного обобщения, основанная на статистическом анализе [Heath, 2024], исследования географии голосований имели склонность игнорировать методологический индивидуализм.

В 1920-е годы представители Чикагской школы Ч. Мерриам и Г. Госнелл открыли для электоральных исследований новый источник эмпирической информации – социологические опросы [Gosnell, Pearson, 1939]. На основе социологических опросов в 1940–1960-е годы были созданы классические теории поведения избирателей, и все они в той или иной степени относятся к методологическому индивидуализму.

В рамках теории рационального выбора [Downs, 1957] были представлены трактовки поведения избирателей, которые можно отнести к форме *сильного* индивидуализма – не только методологического, но и онтологического индивидуализма, почти атомизма. В этой перспективе роль социальных групп и факторов в процессе формирования электорального выбора не признается. Факты,

которые у сторонников холизма считаются социальными, здесь рассматриваются как производные от свойств индивида [Zahle, 2014]. Например, при объяснении географии голосований известен тезис, представленный, в частности, в работах А. Уокса, о том, что электоральный выбор избирателей не определяется их социальным окружением, но наоборот, избиратели находят себе место жительства в той среде, которая совпадает с их ценностями и электоральными установками [Walks, 2004, p. 274].

Сильные версии холизма и индивидуализма не смогли сохранить ведущие позиции в электоральных исследованиях. Почти все классические теории электорального поведения могут быть названы *компромиссными*, поскольку они стремятся к синтезу и совмещению индивидуальных и групповых, социальных объяснений. Подтверждая замечание В.Л. Тамбовцева [Тамбовцев, 2020] о том, что теории, претендующие на синтез идей холизма и индивидуализма, почти всегда относятся к методологическому индивидуализму, компромиссные теории электорального поведения являются именно такими. Эти теории пытаются учитывать социальные факторы, но только в той форме, в какой они выражаются в сознании и интенциях избирателя, а микроуровень признается единственным допустимым уровнем объяснений. К числу этих теорий относятся теории «контекста» и «места», партийной идентификации избирателей (социально-психологическая теория), валентности, «социальной конформности».

Расцвет компромиссных теорий электорального поведения происходит в 1960-е годы, когда идеи о совмещении социальных и индивидуалистических объяснений приобретают широкую популярность в общественных науках [Zahle, 2014].

Холистический подход и объяснение географии голосований

Уже в первых работах по географии голосований [Siegfried, 1913; Krehbiel, 1916; Tingsten, 1937] была отражена логика, которая до сих пор воспроизводится во многих работах в этой области знания: 1) авторы выявляют устойчивые территориальные различия результатов голосования, 2) соотносят их с различиями социального состава населения этих территорий, 3) формулируют выводы относительно особенностей электорального поведения, свойственных представителям соответствующих социальных групп.

А. Зигфрида и Э. Крейбила интересовали прежде всего географические факторы, влияющие на различия результатов выборов. Известная цитата А. Зигфрида «Гранитные голоса идут за правых, а известняковые – за левых» [Siegfried, 1913, p. 30] означает, прежде всего, влияние физической географии и почв на экономику, степень урбанизации, преобладающие профессии и социальное устройство на соответствующих территориях. Он считал, что гранитная почва обуславливала образование крупных земельных участков, в то время как известняковая почва способствовала мелкому землевладению и росту городов. Э. Крейбил также акцентировал внимание на географических особенностях территорий: наличие добычи угля, близость к морю, развитие индустрии и т.д. [Krehbiel, 1916]. В дальнейшем так называемый экологический подход в изучении электорального поведения стал ослабевать, собственно география ушла на второй план: авторы стали не столько изучать географию голосований, сколько использовать информацию о территориальных различиях голосований для формулирования выводов об электоральном поведении представителей преобладающих социальных групп. География голосований стала восприниматься не более чем пространственная форма выражения электоральных различий социальных групп.

Г. Тингстен, который в 1930-е годы первым поставил теоретическую задачу выявления закономерностей поведения избирателей [Tingsten, 1937], в качестве наиболее значимых социальных факторов указывал пол избирателей, возраст, род занятий, социальный статус. Тем не менее основанные на сильном холизме исследования географии голосований не привели к созданию полномасштабных теорий электорального поведения.

В 1940-е годы в Колумбийском университете США при решающей роли П. Лазарсфелда была создана первая из классических теорий электорального поведения – так называемая социологическая теория. Она занимает противоречивое положение относительно предлагаемого нами дуального разделения холизма и индивидуализма в электоральных исследованиях. Социологическая теория одновременно близка как *онтологическому* холизму, так и *методологическому* индивидуализму: в качестве действующих причин она рассматривает социальные условия, но за индивидами признается самостоятельность и свобода воли, а фокус исследования направлен на осознанные действия индивидов. Субъектами электорального выбора рассматриваются только индивиды, хотя они находятся под влиянием объективных факторов, действующих на

их социальную группу, и разделяют групповые особенности. Эта теория далека от идеи о детерминированности электорального поведения и говорит только о «предрасположенности» (predispositions) избирателей. Знаковым тезисом теории стала фраза: «Человек политически мыслит так, каким он является социально» [Lazarsfeld, Berelson, Gaudet, 1944]. Представители Колумбийской школы в монографии 1944 г. писали, что предрасположенности избирателей связаны с тремя типами социальных характеристик: классовым статусом; расовой или религиозной принадлежностью; характером региона (городская или сельская местность). В коллективной монографии 1954 г. говорилось: «политические предпочтения ... берут свое начало в этнических, групповых, классовых и семейных традициях... демонстрируют стабильность и сопротивление изменениям для отдельных лиц, но гибкость и адаптацию на протяжении поколений для общества в целом... они относительно неуязвимы для прямой аргументации и уязвимы для косвенных социальных влияний» [Berelson, Lazarsfeld, Mcphee, 1954, p. 310]. Социологическая теория внесла исторический вклад в развитие индивидуальных объяснений электорального выбора, уделив значительное внимание психологическим и иным факторам принятия решения избирателем. Вскоре социологическая теория была вытеснена другими теориями поведения избирателей, которые в гораздо большей степени были ориентированы на индивидуальный уровень анализа.

Среди всех холистических объяснений электорального поведения наибольшую популярность у исследователей географии голосований приобрела теория расколов (кливажей). Это понятие ввел С.М. Липсет, защитивший диссертацию в Колумбийском университете у П. Лазарсфелда [Lipset, 1960]. К числу расколов его соавтор С. Роккан позже отнес географическое разделение между центром и периферией. В области изучения электорального поведения это единственная полномасштабная теория, которая предполагает формирование электорального выбора на уровне группы. Особое распространение она получает с 1990-х годов в Восточной Европе [Коргунюк, 2023]. П.В. Панов отмечает, что в России «центр-периферийная версия имеет большую объяснительную силу», чем модель экономического голосования [Панов, 2024, с. 81]. При этом теория яростно оспаривается в англосаксонской науке, где ее периодически провозглашают устаревшей [Hutchings, Jefferson, 2018], что не мешает ей служить теоретической рамкой для многочисленных исследований территориальной дифференциации голосований в разных странах мира.

В 1980 г. была предпринята другая попытка применения концепта центра и периферии для объяснения географии голосований – попытка использовать мир-системный анализ И. Валлерстайна для объяснения различий проведения избирателей между странами и крупными регионами мира [Flint, Taylor, 1980]. Данная модель, очевидно, не может быть использована для анализа различий голосований на более локальных уровнях.

Холистический подход получил преобладание в российских исследованиях географии голосований. Электоральная статистика как эмпирический источник о поведении избирателей имеет для российских исследователей гораздо большее значение, чем социологические опросы. Показательные отличия проявляются на уровне языка: во многих российских публикациях говорится не о «голосовании избирателей», а о «голосовании социальных групп», «голосовании территорий», «поведении электората». Характерно, что экономические факторы электорального поведения обычно рассматриваются российскими исследователями не в контексте экономического поведения и экономических интересов индивида, как это наблюдается в западной науке в рамках теории рационального выбора, а в контексте влияния экономических показателей территорий и экономического положения групп населения [Туровский, Гайворонский, 2017]. Можно предположить, что в российских электоральных исследованиях нашли отражение традиционные для российских общественных наук, в том числе в советский период, идеи о приоритете коллективного над индивидуальным.

Индивидуализм и объяснение географии голосований

Теория рационального выбора превосходит все остальные теории электорального поведения по заложенному в ней потенциалу. С одной стороны, она способна в наиболее сильном виде выразить онтологический индивидуализм, с другой стороны, на ее основе оказалось возможным создать более умеренные компромиссные теории электорального поведения.

Было создано несколько моделей, в которых избиратели рассматривались как классические рациональные акторы-индивидуалисты, осознанно подсчитывающие свои выгоды: прежде всего, это концепты ретроспективного [Fiorina, 1981] и перспективного [Kuklinski, West, 1981] голосования. Такие модели были способны представить свои объяснения территориальных различий итогов голосо-

вания за счет гипотез о несовпадении на разных территориях доли избирателей, обладающих одинаковыми ожиданиями или опытом.

Однако в большинстве случаев при изучении поведения избирателей теория рационального выбора используется в умеренных формах. Ее сторонники не абсолютизируют степень самостоятельности и информированности избирателя. Поскольку для электоральных исследований теория рационального выбора стала применяться уже после того, как получила популярность идея ограниченной рациональности, даже самые твердые приверженцы этой теории никогда не рассматривали избирателей с позиций абсолютной рациональности. Так, уже в книге Э. Даунса (1957) признавалось, что избиратели не обладают полной информацией и для оценки полезности кандидатов используют распространенные упрощения (shortcuts) [Downs, 1957, p. 31]. В теории «рационального избирателя» С. Попкина избиратели полагаются на подсказки (cues) со стороны своего окружения [Popkin, 1991, p. 47].

Сторонники теории рационального выбора также стремятся отразить в своих построениях влияние на поведение избирателей их принадлежность к группам. В мотивы избирателей стали включать такие «индивидуальные» расчеты, как желание оказаться в стане победителей [Palfrey, Rosenthal, 1985], стремление принять в расчет пользу других людей [Edlin, Gelman, Kaplan, 2007], вплоть до идеи избирателей-альтруистов [Fowler, Kam, 2007] и т.д. Теория С. Попкина [Popkin, 1991] может быть названа наиболее комплексной из появившихся теорий рационального, но «социально ответственного» избирателя. Идея постматериальных ценностей весьма органично сплелась с теорией рационального выбора. Теория медианного избирателя, известная еще с середины XX в. и весьма популярная сейчас [Jones, Sirianni, Fu, 2022], служит еще одним эффективным способом объяснения, почему на индивидуальный выбор индивида оказывает влияние факт его принадлежности к той или иной группе.

Некоторые модификации теории рационального выбора переносят логику индивидуализма на социальную группу, и такая идея «групповой субъектности» приводит к стиранию различий с холизмом [Heath, 2024]. Так, в работах Т. Феддерсена и А. Сандрони субъектом электорального выбора становится уже сама группа, которая действует как коллективный эгоист, следуя своим утилитарным интересам в стремлении максимизировать свое коллективное благосостояние [Feddersen, Sandroni, 2006].

Теория «контекста»

На определенном этапе среди ученых, признающих влияние внешних условий на избирателей, возник раскол по фундаментальному вопросу: зависит ли поведение избирателя от объективных социально-экономических и демографических факторов или же от его релятивных связей со своей средой и окружением? Первый вариант выбрали прямые продолжатели социологической теории, и этот путь часто называют композиционным подходом. По второму пути пошли исследователи, для которых важнейшими стали категории «контекст» и «место».

Спорным является вопрос о том, насколько глубоко противоречия между этими подходами. По мнению Дж. Агню, предпосылки этого раскола можно увидеть еще в начале XX в., когда Э. Дюркгейм и П. Видаль де ла Блаш вели спор относительно приоритета «социальных фактов» или «фактов места» [Agnew, 1987, p. 42]. Однако в исследованиях электорального поведения эта дилемма возникла не сразу. Авторы первых работ по электоральной географии А. Зигфрид и Э. Крейбил признавали влияние как социальных характеристик, так и факторов места. Представители Колумбийской школы в своих работах 1940–1950-х годов также совмещали социальные факторы с существующими на уровне локальных территорий релятивными социальными коммуникациями избирателей.

Размежевание между объективным и релятивным измерениями социальных факторов началось в электоральных исследованиях, вероятно, с опубликования в 1949 г. работы В. Ки «Южная политика», в которой впервые фокус внимания был полностью сосредоточен на релятивных связях и коммуникациях избирателя и был открыт «эффект друзей и соседей» [Key, 1949]. В 1967 г. британский исследователь Г. Пеллинг провозгласил, что состоялось разделение между социологическим подходом, который «устанавливает связь между политическим поведением и социальным классом избирателя, его профессией и этнической принадлежностью», и экологическим подходом, который «связывает политическое поведение с окружающей средой избирателя и особенностями его социальной жизни» [Pelling, 1967, p. 103]. Наконец, в 1969 г. американский исследователь К. Кокс ввел в оборот понятие «контекста» и прямо обвинил социологический подход в том, что при анализе результатов голосований социально-экономическим факторам уделяется чрезмерное внимание [Cox, 1969].

Благодаря перспективной идее релятивных социальных связей, теория «контекста» остается на позициях методологического индивидуализма и пользуется аппаратом теории рационального выбора, но включает в объяснение поведения избирателя воздействие на него социальных и иных окружающих объективных факторов. Дж. Агню подчеркивал, что теория «контекста» является способом решения дилеммы между «универсальным и индивидуальным» при изучении электорального поведения [Agnew, 1996, p. 133].

Наиболее влиятельными представителями теории «контекста» в электоральных исследованиях стали Дж. Агню [Agnew, 1987] и Р. Джонстон. Они определяют «контекст» как географическое место со специфическими местными условиями, которые меняют у избирателя точку отсчета и перспективу электорального оценивания. «Место» рассматривается как сочетание локальности (жизни в повседневной обстановке), местоположения (положения во множестве обширных сетей) и чувства места (привязанности, идентификации). По этой логике для избирателя характерна привязанность к месту. Место рассматривается как «сообщество судьбы», в котором материальные «жизненные шансы» и эмоциональное благополучие человека сильно зависят от состояния и перспектив локальной территории. В соответствии с каламбуром Р. Джонстона, эта теория «поставила избирателей на место» [Johnston, Pattie, 2006].

Теория «контекста» как никакая другая из классических теорий подчеркивает значение географии. Как отмечает бразильский ученый Д.А. Азеведо, если для «композиционного подхода» география голосований есть всего лишь следствие пространственного распределения социальных факторов, то для теории «контекста» причиной является сама география [Azevedo, 2023, p. 7]. По словам Дж. О'Лафлина, «политологи» склонны игнорировать контекстуальные эффекты, рассматривают их как остаточную категорию и стремятся совершенствовать измерения социологических, экономических и демографических факторов для объяснения территориальных различий голосования, а «географы» выдвигают на первый план роль места как специфического и неустранимого фактора [O'Loughlin, 2003, p. 35].

Композиционный подход и теория «контекста» различаются не только тем, что рассматривают социальное пространство соответственно в абсолютном («картезианском») и релятивном понимании [Linke, O'Loughlin, 2017, p. 193], но также противоположностью выводов, к которым они могут приводить. Географический контекст может влиять на поведение избирателей вопреки действию

социальных факторов. Например, Дж. Гейнсборо отмечает, что избиратели с одинаковыми характеристиками голосуют по-разному в зависимости от того, живут ли они в городе или в пригороде, поскольку одно и то же политическое решение может иметь разное значение для конкретного места [Gainsborough, 2005].

Идеи «контекста» популярны, прежде всего, в электорально-географических исследованиях в англосаксонских странах и совершенно не популярны в России.

Теории социально озабоченных избирателей

Было создано несколько компромиссных теорий, в которых только индивиды рассматриваются субъектами электорального выбора, за ними признается безусловный онтологический приоритет, но при этом учитываются социальные и групповые факторы, которые влияют на интенции индивида и его сознание.

В 1950-е годы Мичиганская школа использовала едва появившийся в западной науке концепт идентичности для создания так называемой *социально-психологической теории* электорального поведения. Для западных общественных наук, тяготеющих к методологическому индивидуализму, идея идентичности стала исключительно удачным способом объяснения, почему среди мотивов действия индивидов присутствует стремление соответствовать «интересам группы». Индивид продолжает рассматриваться в логике теории рационального выбора, но вносится уточнение: благодаря идентичности самосознание индивида расширяется до масштабов группы, с которой он себя мысленно идентифицирует, в связи с чем понимание им «интересов группы» влияет на его индивидуальные интенции. Создатели социально-психологической теории электорального поведения прибегают к понятию партийной идентификации, которую они определяли как «чувство личной привязанности (attachment), которое человек по своему выбору испытывает к политической партии» [Campbell, Gurin, Miller, 1954, p. 88]. Под привязанностью они подразумевали чувство влечения, подобное чувству привязанности к своему классу, расе или религиозной группе. Избиратели «воспринимают позицию своей партии как более близкую к их собственной, чем она есть на самом деле, либо изменяют свою собственную позицию, приближая ее к позиции своей партии» [Bølstad, 2017, p. 385]. Социально-психологическая теория предполагает решающее влияние воспитания и семьи на

появление у индивида самоидентификации с политической партией [Jennings, Stoker, Bowers, 2009, p. 783].

Один из авторов классической монографии Мичиганской школы Д. Стоукс спустя некоторое время создал альтернативную теорию электорального поведения – *теорию валентности*. В соответствии с этой теорией, избиратели оценивают партию в зависимости от того, признается ли ее деятельность или обещания соответствующей некоторым приоритетным темам, в отношении которых в общественном мнении существует консенсус. Внешним проявлением консенсуса в отношении политиков является наличие репутации или авторитета. При этом избиратели отказываются не только от соблюдения индивидуальных интересов в пользу приоритетных интересов общества, но делегируют другим лицам право принятия решения о том, какие политики соответствуют этим интересам. Сторонники этой теории называют избирателей «когнитивными скупцами (misers)», которые чтобы «сократить расходы на сбор и обработку больших объемов сложной и часто противоречивой информации» [Clarke, 2009, p. 41], полагаются на сигналы и оценки со стороны тех лидеров, которые им «нравятся». Теория валентности оставляет за скобками, почему в отношении определенных приоритетов складывается консенсус. Однако подчеркивается, что индивиды сами выбирают себе тех лидеров, суждениям которых они будут следовать [Brady, Sniderman, 1985, p. 1065]. Влияние лидеров основано на том, что они «нравятся», и такая формулировка оставляет сторонникам этой теории большой простор, в том числе как для социальных, так и для психологических объяснений.

Идея валентности, наряду с идеей агрегирования интересов в теории общественного выбора и идеей идентичности, стала одним из способов объяснения, почему интенции индивидов включают не только эгоистические, но и общественные интересы. Идея валентности стала конкурентом идеи идентичности, и если в общественных науках в целом она эту конкуренцию проиграла, то в области изучения электорального поведения, вероятно, добилась большего успеха. Считается, что теория валентности является преобладающей теорией среди британских электоральных исследователей в XXI в. [Johnston, Pattie, Hartman, 2021, p. 36]. В России из всех крупных теорий электорального поведения она не просто наименее популярна, но и малоизвестна.

Одна из относительно новых теорий электорального поведения – теория социальной конформности, разработанная в начале XXI в.

американским ученым С. Колманом (термин «social conformity» в России переводился как социальный конформизм [Бородин, 2005]). В соответствии с этой теорией индивид, выбирая между несколькими действиями, учитывает ожидаемую вероятность поведения других. Предполагается, что индивиды обладают знанием о вероятном поведении других или, по крайней мере, наивным, неявным статистическим знанием об относительных вероятностях их поведения [Coleman, 2004, p 81]. Подчеркивая, что такое общественное влияние может происходить неосознанно и не основано на оценке личных выгод, С. Колман пытается выйти за рамки теории рационального выбора, прибегая в том числе к теоретическим конструктам поведенческой экономики. Конформное электоральное поведение, по мнению сторонников этого подхода, в крайнем случае может вообще не соответствовать индивидуальному интересу самого избирателя. Идея о том, что на решение людей голосовать влияет ожидание того, как будет голосовать их социальное окружение, имеет поддержку [Gerber, Rogers, 2009]. По данным бразильского политолога А. Золнеркевича, респонденты, как правило, озабочены тем, совпадает ли их электоральный выбор с мнением большинства в их районе, и этим можно объяснить, почему электоральные предпочтения индивидов, проживающих в политически неоднородных районах, менее стабильны с течением времени, чем тех, кто проживает в более однородных районах [Zolnerkevic, 2019, p. 195]. На этой логике основано предположение о том, что низкие результаты ЛДПР на территориях с преобладанием турецкого населения могут объясняться в том числе и тем, что проживающие здесь представители славянских этносов не готовы поддерживать партию, не пользующуюся одобрением у большинства их соседей [Развитие политической науки ..., 2014].

Феномены географии голосований, необъяснимые с позиций методологического индивидуализма

Теория рационального выбора и иные теории электорального поведения, основанные на принципе методологического индивидуализма, исходят из того, что результаты голосования по территориям суть результат простого агрегирования множеств индивидуальных голосований. Однако география голосований свидетельствует о существовании на уровне территориальных

общностей таких особенностей электорального поведения, которые нельзя свести к сумме индивидуальных голосований.

Одну из этих особенностей можно назвать *эффектом композиций*. Он заключается в том, что на уровне территориальной общности существует устойчивая конфигурация нескольких показателей электорального поведения, которая воспроизводится в других территориальных общностях со схожими социальными условиями. Этот эффект не так заметен в условиях двухпартийной системы, где существует только два основных показателя электорального поведения, и наиболее ярко проявляется в странах с фрагментированными партийными системами. Устойчивую конфигурацию показателей электорального поведения на уровне однотипных территориальных общностей составляют такие относительные показатели, как уровень явки и повторяющиеся на нескольких выборах пропорции в уровне поддержки нескольких политических партий. Об этом феномене писал, в частности, Р.Ф. Туровский: возникают «ситуации системной взаимосвязи различающихся, но типичных в своем сочетании внутри определенного сообщества голосований» [Туровский, 2006]. Например, разные территории с преобладанием тюркских этносов в России 1990-х годов имели следующую повторяющуюся конфигурацию показателей: очень высокий уровень явки, низкий уровень голосования «против всех», низкая поддержка либералов, высокий уровень поддержки партии власти, очень высокий уровень поддержки КПРФ, предельно низкий уровень поддержки ЛДПР и т.д. [Гришин, 2006]. С позиций методологического индивидуализма можно было бы объяснить, почему отдельная территориальная общность сохраняет определенную комбинацию многих показателей электорального поведения в течение долго времени на протяжении нескольких выборов. Однако очевидно, что индивидуалистические теории не могут предложить объяснения, почему определенная комбинация многих показателей электорального поведения с высокой точностью воспроизводится в других территориальных общностях со схожими социальными условиями.

Эффект композиций связан с проблемой различий данных на индивидуальном и агрегированном уровнях, но он не относится к известной в статистике «экологической ошибке» агрегации (ecological fallacy, ecological inferences) [Linke, O'Loughlin, 2017, p. 195]. Исследователи «экологической ошибки» рассматривают только те ситуации, при которых агрегированные данные должны соответствовать данным на индивидуальном уровне. Эффект ком-

позиций, напротив, свидетельствует о том, что на агрегированном уровне существует особая информация об электоральном поведении, которая является характеристикой территориальной общности и в принципе не может быть сведена к отдельно взятым индивидам.

Другим крепким орешком для сторонников методологического индивидуализма является хорошо известный *эффект влияния размера электората на особенности поведения избирателей*. Сторонники теории рационального выбора приложили много усилий для объяснения парадокса, почему люди ходят на выборы, но оставили без внимания гораздо более сложную для них проблему: почему явка на выборы зависит от географических факторов, которые избирателями не осознаются и которые не могут действовать на их интенции. Существует отрицательная корреляция между размером электората населенных пунктов и уровнем явки, что подтверждается множеством эмпирических данных. Среди последних исследований этого феномена можно отметить работу по материалам Коста-Рики [Azevedo, Meireles, 2021]. В российских исследованиях этот эффект назывался фактором людности [Колосов, Бородулина, 2004].

Феномены такого рода находятся в центре исследований электоральной географии. Индивидуалистический подход не имеет перспектив в их изучении. Рассмотренные выше компромиссные теории, такие как теория «контекста», социально-психологическая теория, теории валентности и социальной конформности, хотя и признают влияние объективных факторов, также не могут объяснить и даже признать существование особых феноменов электорального поведения, которые проявляются только на агрегированном уровне.

Заключение

Низкая степень востребованности классических теорий электорального поведения в изучении географии голосований является результатом существующего глубокого раскола между индивидуальным и агрегированным уровнями рассмотрения явлений в этой области знания. Изучение электорального поведения стало той областью, в которой два основных источника эмпирической информации – результаты электоральной статистики и социологи-

ческие опросы – подпитывают, соответственно, холистические и индивидуалистические теории.

Драматизм ситуации заключается в том, что феномены, которые заслуживают наибольшего внимания и которые в свое время породили исследовательский интерес к этой сфере, проявляются только на агрегированном уровне и в электоральной статистике, а наиболее комплексные и завершенные классические теории электорального поведения построены на основе анализа индивидуального действия. Основные научные достижения построенных на индивидуализме теорий электорального поведения связаны с их внутренней, имманентно развивающейся исследовательской повесткой, в рамках того эмпирического материала, который авторы добывают в инициированных ими же самими опросах. За несколько десятилетий своего развития индивидуалистические теории не приобрели способностей объяснять объективные агрегированные данные электоральной статистики, которые, в частности, проявляются в географии голосований.

Опыт изучения электорального поведения подтверждает, что проблему перехода между двумя уровнями проявления феноменов электорального поведения – индивидуальным и агрегированным – нельзя решить путем отождествления частного и целого. По этому пути пытались идти как некоторые сторонники индивидуализма, отрицающие наличие особых свойств на уровне группы, так и холисты, которые ограничиваются рассмотрением феноменов электорального поведения на уровне группы, как если бы такие выводы можно было бы проецировать на уровень индивидов. Теории электорального поведения, которые смогут быть эффективными для объяснения географии голосований, необходимо должны учитывать как индивидуальный уровень рассмотрения, так и существование феноменов электорального поведения, проявляющихся на уровне общности.

N.V. Grishin*

**The classical theories of voting behavior
and explanations for geography of voting**

Abstract. The article examines the capacities and limitations of classical theories of voting behavior for explaining the phenomena of voting geography and electoral

* **Grishin Nikolai**, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia), e-mail: nvgrishin@mail.ru

statistics. The article is based on an analysis of scientific literature on electoral geography and theoretical models of voting behavior since the early 20th century. A clarification of existing scientific approaches to systematizing theories of voting behavior is proposed. Holistic and individualistic approaches to understanding voting behavior are examined. It identifies the limitations of most classical theories of voting behavior, based on methodological individualism and use sociological surveys as the primary source of empirical information to explain the geography of voting and voting behavior phenomena manifested at the aggregate level. There are identified phenomena in the geography of voting, revealed at the level of electoral statistics and that cannot be explained from the standpoint of methodological individualism. One of these phenomena is the composition effect: the presence of a stable combination of several indicators of electoral behavior in a territorial community of voters, which is reproduced with high accuracy in other territorial communities with similar social conditions. Another well-known phenomenon is the influence of electorate size on the characteristics of voter behavior. A key problem in the study of voting behavior is the lack of a theoretical solution to the problem of transitioning between the individual and group levels of manifestation of voting behavior phenomena.

Keywords: electoral behavior; voting behavior; electoral geography; voting geography; electoral sociology; theories of voting behavior.

For citation: Grishin N. The classical theories of voting behavior and explanations for geography of voting. *Political science (RU)*. 2026, N 1, P. 65–84. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.01.04>

References

- Agnew J. Mapping politics: how context counts in electoral geography. *Political geography*. 1996, Vol. 15, N 2, P. 129–146.
- Agnew J. *Place and politics: the geographical mediation of state and society*. Boston: Allen & Unwin, 1987, 267 p.
- Azevedo D.A. The need for electoral geography: the possibilities in the field. *Geosp.* 2023, Vol. 27, N 2, Article e-204649. DOI: <http://www.doi.org/10.11606/issn.2179-0892.geosp.2023.204649.en>
- Azevedo D.A., Meireles B.L. Territorial and electorate size influence: participation / competitiveness in Costa Rica's 2016 local scale elections. *Cuadernos de geografía: revista colombiana de geografía*. 2021, Vol. 30, N 1, P. 25–44.
- Berelson B.R., Lazarsfeld P.F., McPhee W.N. *Voting: a study of opinion formation in a presidential campaign*. Chicago: Chicago university press, 1954, 395 p.
- Bhaskar R. Emergence, explanation, and emancipation. In: Secord P.F. (ed.). *Explaining human behavior*. Beverly Hills: Sage, 1982, P. 275–310.
- Bølstad J. Is there a rational public? In: Fisher J., Fieldhouse E., Franklin M. N., Gibson R., Cantijoch M., Wlezien Ch. (eds). *The Routledge handbook of elections, voting behavior and public opinion*. London: Routledge, 2017, P. 383–393.
- Borodin A.D. Coordination of collective actions in the behavior of Russian voters. *Economic journal of the higher school of economics*. 2005, Vol. 9, N 1, P. 74–81. (In Russ.)

- Brady H., Sniderman P.M. Attitude attribution: a group basis for political reasoning. *American political science review*. 1985, Vol. 79, N 4, P. 1061–1078.
- Campbell A., Gurin G., Miller W.E. *The voter decides*. Evanston: Row, Peterson, and Co., 1954, 242 p.
- Clarke H.D., Sanders D., Stewart M.C., Whiteley P. *Performance politics and the British voter*. Cambridge: Cambridge university press, 2009, 372 p.
- Coleman S. The Effect of social conformity on collective voting behavior. *Political analysis*. 2004, Vol. 12, P. 76–96.
- Cox K.R. The voting decision in a spatial context. In: Board C., Charley R.J., Haggett P. (eds). *Progress in geography: international reviews of current research*. New York: St. Martin's, 1969, P. 81–117
- Downs A. *An economic theory of democracy*. New York: Harper, 1957, 321 p.
- Edlin A., Gelman A., Kaplan N. Rational voting and voter turnout. *Rationality and society*. 2007, Vol. 19, N 3, P. 293–314.
- Feddersen T., Sandroni A. A theory of participation in elections. *American economic review*. 2006, Vol. 96, N 4, P. 1271–1282. DOI: <http://www.doi.org/10.1257/aer.96.4.1271>
- Fiorina M.P. *Retrospective voting in American national elections*. New Haven, 1981, 249 p.
- Flint C., Taylor P. *Political geography: world-economy, nation-state and locality*. London: Routledge, 1980, 391 p.
- Fowler J., Kam C. Beyond the self: social identity, altruism, and political participation. *Journal of politics*. 2007, Vol. 69, N 3, P. 813–827.
- Gainsborough J.F. Voters in context: cities, suburbs, and presidential vote. *American politics research*. 2005, Vol. 33, N 3, P. 435–461. DOI: <http://www.doi.org/10.1177/1532673X04266637>
- Gerber A., Rogers T. Descriptive social norms and motivation to vote: everybody's voting and so should you. *Journal of politics*. 2009, Vol. 71, P. 178–191.
- Gosnell H., Pearson N. The study of voting behavior by correlational techniques. *American sociological review*. 1939, Vol. 4, N 6, P. 809–815.
- Grishin N.V. Stability of territorial differences in population's electoral preferences (the case of the South of Russia). *Political expertise: POLITEX*. 2006, N 2, P. 36–42. (In Russ.)
- Heath J. Methodological individualism. The Stanford encyclopedia of philosophy (Summer 2024 edition). In: Zalta E.N., Nodelman U. (eds). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2024/entries/methodological-individualism> (accessed 20.11.2025).
- Hutchings V., Jefferson H. The sociological and social- psychological approaches. In: Fisher J., Fieldhouse E., Franklin M.N., Gibson R., Cantijoch M., Wlezien Ch. (eds). *The Routledge handbook of elections, voting behavior and public opinion*. New York: Routledge, 2018, P. 21–29.
- Jennings M.K., Stoker L., Bowers J. Politics across generations: Family transmission reexamined. *The journal of politics*. 2009, Vol. 71, N 3, P. 782–799. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0022381609090719>
- Johnston R., Pattie Ch. *Putting voters in their place: geography and elections in Great Britain*. Oxford: Oxford university press, 2006, 336 p.
- Johnston R.J., Pattie C., Hartman T. Who follows the leader? Leadership heuristics and valence voting at the UK's 2016 Brexit referendum. *Innovation: The European journal of social science research*. 2021, Vol. 34, N 1, P. 28–43.

- Jones M.I., Sirianni A.D., Fu F. Polarization, abstention, and the median voter theorem. *Humanities and social sciences communications*. 2022, Vol. 9, P. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41599-022-01056-0>
- Key V.O. *Southern politics in state and nation*. New York: Alfred A. Knopf, 1949, 675 p.
- Kolosov V.A., Borodulina N.A. Electoral preferences of voters in large Russian cities: types and stability. *Polis. Political studies*. 2004, N 4, P. 70–79. (In Russ.)
- Korgunyk Yu.G. Cleavage theory and quantitative methods in political science. *Political science (RU)*. 2023, N 4, P. 95–126. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.04.04> (In Russ.).
- Krehbiel E. Geographic influences in British elections. *Geographical review*. 1916, Vol. 2, N 6, P. 419–432.
- Kuklinski J.H., West D.M. Economic expectations and voting behavior in United States Senate and House elections. *American political science review*. 1981, Vol. 75, P. 436–447.
- Lazarsfeld P.F., Berelson B., Gaudet H. *The people's choice: how the voter makes up his mind in a presidential campaign*. New York: Duell, Sloan and Pearce, 1944, 224 p.
- Linke A., O'Loughlin J. Spatial analysis. In: Agnew J., Mamadouh V., Secor A., Sharp J. (eds). *The Wiley Blackwell companion to political geography*. West Sussex: Wiley-Blackwell, 2017, P. 187–205.
- Lipset S.M. *Political man*. New York: Anchor books, 1960, 477 p.
- O'Loughlin J. Spatial analysis in political geography. In: Agnew J., Mitchell K., Toal G. (eds). *A companion to political geography*. Oxford: Blackwell, 2003, P. 30–46.
- Palfrey T., Rosenthal H. Voter participation and strategic uncertainty. *American political science review*. 1985, Vol. 79, N 1, P. 62–78.
- Panov P.V. The specificity of capital cities in the electoral landscape of Russian regions: variability in the framework of the «center-periphery» disposition. *Political science (RU)*. 2024, N 4, P. 76–97. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.03> (In Russ.)
- Pelling H. *Social geography of British elections 1885–1910*. London: Palgrave Macmillan, 1967, 486 p.
- Popkin S.L. *Reasoning voter: communication and persuasion in presidential campaigns*. Chicago: Chicago university press, 1991, 291 p.
- Siegfried A. *The Tableau politique de la France de l'Ouest sous la Troisième République*. Paris: A. Colin, 1913, 535 p. (In French)
- Tambovtsev V.L. Unproductivity of the methodological fusion's attempts. *Issues of economic theory*. 2020, N 3, P. 7–31. DOI: <http://www.doi.org/10.24411/2587-7666-2020-10301> (In Russ.)
- Tingsten H. *Political behavior; Studies in election statistics*. London: P.S. King and Son, 1937, 231 p.
- Turovsky R.F. Regional dimension of the electoral process: conceptual foundations of research. *Social sciences and modernity*. 2006, N 5, P. 5–19. (In Russ.)
- Turovsky R.F., Gaivoronsky Yu.O. The impact of the economy on electoral behavior in Russia: Does the «contract» between the government and society work? *Politeia*. 2017, N 3, 42–61. (In Russ.)
- Udehn L. The changing face of methodological individualism. *Annual review of sociology*. 2002, Vol. 28, P. 479–507. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.28.110601.140938>

- Usmanov R.Kh., Grishin N.V., Oskina O.I., Kudryashova E.V. Development of political science in the Astrakhan region. *Caspian region: politics, economics, culture*. 2014, N 1, P. 208–217. (In Russ.)
- Walks R. Place of residence, party preferences, and political attitudes in Canadian cities and suburbs. *Journal of urban affairs*. 2004, Vol. 26, N 3, P. 269–295.
- Zahle J. Introduction. In: Zahle J., Collin F. (eds). *Rethinking the individualism-holism debate. Essays in the philosophy of social science*. Dordrecht: Synthese library springer, 2014, P. 1–14.
- Zolnerkevic A. Contexto social de vizinhança: percepções políticas na cidade de São Paulo. *Revista Brasileira de Ciência Política*. 2019, N 29, P. 189–222. (In Portuguese)

Литература на русском языке

- Бородин А.Д. Согласованность коллективных действий в поведении российских избирателей // Экономический журнал ВШЭ. – 2005. – Т. 9, № 1. – С. 74–81.
- Гришин Н.В. Устойчивость территориальных различий электоральных предпочтений населения (на примере Юга России) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2006. – № 2. – С. 36–42.
- Колосов В. А., Бородулина Н. А. Электоральные предпочтения избирателей крупных городов России: типы и устойчивость // Полис. Политические исследования. – 2004. – № 4. – С. 70–79.
- Коргунюк Ю.Г. Теория размежеваний и количественные методы в политической науке // Политическая наука. – 2023. – № 4. – С. 95–126. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.04.04>
- Панов П.В. Специфика столичных городов в электоральном ландшафте регионов России: вариативность с точки зрения диспозиции «центр – периферия» // Политическая наука. – 2024. – № 1. – С. 76–97. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.03>
- Развитие политической науки в Астраханской области / Р.Х. Усманов, Н.В. Гришин, О.И. Оскина, Е.В. Кудряшова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2014. – № 1 (38). – С. 208–217.
- Тамбовцев В.Л. Непродуктивность попыток методологического синтеза // Вопросы теоретической экономики. – 2020. – № 3. – С. 7–31. – DOI: <http://www.doi.org/10.24411/2587-7666-2020-10301>
- Туровский Р.Ф. Региональное измерение электорального процесса: концептуальные основы исследований // Общественные науки и современность. – 2006. – № 5. – С. 5–19.
- Туровский Р.Ф., Гайворонский Ю.О. Влияние экономики на электоральное поведение в России: работает ли «контракт» власти и общества? // Полития. – 2017. – № 3. – С. 42–62.